

АРХИВ И АРХИВНЫЕ МАРГИНАЛИИ Н. ЩЕГОЛЕВА КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ХАРБИНЕ¹

А.А. Забияко

С точки зрения архивного наследия литература дальневосточного зарубежья – не только самая малоизученная, но и наиболее проблемная часть отечественной руссики. Большинство текстов и материалов о жизни русских в Харбине и после репатриации (дальнейшей эмиграции) было утеряно, многие архивы либо уничтожены их владельцами, либо изъяты в 1945 г. НКВД, либо – попросту утрачены в результате многострадального пути русских китайцев по городам и весям Европы и Америки². Как правило, в наличии ученых только публикации из еженедельника «Рубеж», ежемесячника «Луч Азии» или газеты «Молодая Чураевка» – зачастую там встречаются опечатки или редакторские купюры, вызванные издательскими требованиями формата, размера, тематики. Это лишает исследователей возможности проследить, как складывался замысел того или иного произведения харбинского писателя, какова была авторская редакция... Если же удастся сопоставить журнальный вариант публикации и его редакцию в авторском сборнике – трудно восстановить логику изменения авторского замысла, так как уже никогда не увидим ни авторских записных книжек, ни дневников. Обращение к харбинистам, в свое время получившим доступ к архивам репатриированных эмигрантов (Л. Хаиндровой, Н. Щеголева, Ф. Дмитриевой, А. Ачаира), приводит зачастую к курьезным ситуациям: рождаются фантастические нарративы о несуществующих людях и их отношениях, появляются субъективные интерпретации тех или иных литературных фактов, событий личной и творческой жизни интересующих нас персон. Некоторые владельцы коллекций, волею случая ими ставшие, уверены, что только они обладают правом «правильного» понимания творчества того или иного писателя. Архивы зачастую рассматриваются как самоценное личное достояние, а это только вредит общему делу.

Поэтому в процессе реконструкции художественной жизни, реалий литературного процесса русского Китая и нюансов развития индивиду-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-18-00308 «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)».

² Об этом подробно: *Эфендиева Г.В.* О судьбе творческого и архивного наследия писателей русского Китая // *Русский Харбин, запечатленный в слове. Проблемы источниковедения и текстологии*: Сб. научн. работ /под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2012. С. 8–24.

ального творчества русских харбинцев мы обращаемся к тому, что можно определить как *архивные, источниковедческие и текстологические маргиналии*: найденные в частных архивах и коллекциях эпиграммы, надписи на подаренных книгах¹, публицистические статьи поэтов и писателей, тексты их литературных и политических докладов, записки, анкеты разного рода, даже – редакторские (гонорарные) пометы на журнальных полосах, даже – доносы тайных сотрудников японских спецслужб (материалы Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии)².

Как справедливо отмечают исследователи-«архаисты»³, «реконструкция личных и творческих биографий, а также истории хранения писательских архивов дальневосточного зарубежья, поиск новых возможных мест хранения личных документов, писем, рукописей, материалов, собиравшихся для литературной работы вызывает первоочередной интерес для специалистов – литературоведов, историков, музейных и архивных работников»⁴. Одной из таких проблемных персон в истории литературы и культуры русской дальневосточной эмиграции является Н.А. Щеголев.

Николай Александрович Щеголев [1910–1975] – писатель, сыгравший заметную роль в литературной жизни дальневосточной эмиграции⁵. Он родился в Харбине в семье служащего КВЖД, получил там прекрасное образование, успел прославиться как многообещающий поэт-«задира» (Ю.В. Крузенштерн-Петерс), «взыскующий» новых форм в стихосложении питомец «Чураевки». Он был не только членом знаменитого литературно-художественного объединения, но и его секретарем, активным участником литературной и издательской деятельности кружка. Печатался почти в каждом номере «Чураевки», писал стихи, рассказы, литературно-критические заметки, рецензии, передовицы. Сотрудничал с журналом

¹ *Эфендиева Г.В.* Два письма С.Г. Шахматова А.И. Митропольскому: новые документы к творческой биографии Арсения Несмелова // *Русский Харбин, запечатленный в слове. Проблемы источниковедения и текстологии: Сб. научн. работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой.* – Благовещенск, 2012. С. 96–103.

² Об этом: *Забияко А.А.* Роль архивных маргиналий в текстологической практике исследования литературы дальневосточного зарубежья // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.* 2012. № 1; *Эфендиева Г.В., Потапова А.С.* О чем говорят инскрипты: дарственные надписи на книгах харбинских поэтов // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: этнокультурные процессы в политическом контексте.* Вып. 10. Благовещенск, 2013. С. 298–306.

³ *Корниенко Н.* От редактора // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения.* М., 2009. С. 4.

⁴ Об этом: *Эфендиева Г.В.* О судьбе творческого и архивного наследия писателей русского Китая. Указ. изд.

⁵ О творческой и эмигрантской судьбе Н.А. Щеголева: *Забияко А.А.* «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (Жизнь и творчество поэта Николая Щеголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья) // *Щеголев Н. Сочинения / сост. Вл. Резвый, А. Забияко / Под ред. Вл. Резвого. Послесловие А.А. Забияко.* М., 2014. С. 238–310.

«Рубеж». Издавался в коллективных сборниках «Семеро» (1929) и «Излучины» (1935), был опубликован в парижских «Числах»¹ и «Якоре». К нему, по всей видимости, обращал А. Ачаир свое стихотворное послание «Форма», сетуя на то, что метроном щеголевских ритмов и рифм затеняет «молодость, ее напев»². И, действительно, Николай Щеголев неоднократно подвергался упрекам и со стороны «старших», и со стороны «младших» поэтов-харбинцев за чрезмерное увлечение формой, новыми ритмами, внешней эффектностью рифм. Затем – по молодости, горячности и жажде нового – Щеголев оказался среди зачинщиков «чураевского переворота»³. Он достойно вышел из этой сомнительной ситуации, сняв с себя руководящие полномочия. В 1936 в поисках лучшей доли переехал в Шанхай. Там вместе с Н. Петерецем сотрудничал в альманахе «Сегодня», вступил в «Союз возвращенцев» (1943). Стал одним из основателей и руководителей содружества «Пятница». После скоропостижной кончины Н. Петереца издал сборник с одноименным названием (1946), куда вошли тематические «веера» стихотворений, отражающие игру во «вдохновение из стакана».

В 1947 году Щеголев по собственному желанию «возвратился» в Советский Союз. На самом же деле свою Родину уроженец Маньчжурии увидел впервые. Щеголеву было только 37 лет. Как многие добровольные репатрианты, он и его жена оказались в Свердловске. Очевидно, благодаря активной работе на ниве «возвращенчества» Щеголев не попал в лагерь. Более того – построил неплохую карьеру. Вначале Щеголев устроился учителем английского языка и несколько лет проработал в одной из средних школ Уралмаша, одновременно учась на филологическом отделении Свердловского государственного университета⁴. А с 1955 года четырнадцать лет подряд он трудился «лектором-литературоведом» при Свердловской филармонии. Как писалось в характеристике для поступления в аспирантуру, Щеголев прочел более 50-ти лекций разного содержания, среди которых особенно выделялись лекции о Маяковском, Достоевском, Блоке. Не обошлось, конечно, и без «образа В.И. Ленина в литературе»⁵.

¹ Щеголев сам на этот номер составил рецензию: Н. З-ов. Числа IX. Париж // Чураевка. 1933. № 4 (10), 14 нояб. С. 4. Н. З-ов [Николай Зерцалов] – один из псевдонимов Щеголева, который подписывался также «Н. Щ-в», «Н.Щ.». Об этом: Перелешин В. Русские дальневосточные поэты // Новый журнал. 1972. № 107. С. 255–262.

² Об этом: *Забияко А.А.* Николай Щеголев: харбинский поэт-одиночка // Новый журнал. Нью-Йорк, 2009. № 256. С. 310–324.

³ Подробно об этом: *Забияко А.А.* «Дело о «Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.

⁴ Об этом: *Н. Щеголев – Н. Ильиной.* 18.07.1950. Указ. ист.

⁵ Собрание З. и М. Пуляевских. Материал предоставлен В.А. Резвым.

По мнению многих, «в конечном итоге, его судьбу можно назвать даже благополучной. Особенно на фоне некоторых других литераторов, добровольно вернувшихся на родину, скажем, Марины Цветаевой или князя Святополка-Мирского», – пишет В. Синкевич¹. Отчасти это так.

Но – за всё это советское благополучие приходилось как-то платить. Чем платил поэт? Всё теми же одиночеством, тоской, неудовлетворенностью. Обладая редкой способностью к интуитивному уловлению новых явлений – в области критики, литературоведения, лингвистики, стихосложения, он очень хотел поступить в Литинститут, о чем свидетельствуют строки из письма Н. Ильиной: «В заключение – просьба. Я учусь в Государственном Университете имени Горького (филологическое отделение). Меня интересует – пока совершенно теоретически – вопрос, можно ли через год, два, или уже по окончании Университета ускоренно закончить Лит. Институт, в котором ты учишься. Иными словами, зачтут ли там мне, сданные мною в Гос. Университете предметы? Общих предметов, мне кажется, довольно много, – около 90%. Узнай, пожалуйста, если можешь»². Но попытка, очевидно, не увенчалась успехом: в архиве Литинститута сведений о Щеголеве не обнаружено. Потом он попытался поступить в аспирантуру, о чем свидетельствует приведенная выше характеристика из филармонии с положительными отзывами, однако и о фактическом поступлении Щеголева в аспирантуру информации не имеется. Впрочем, неудивительно: кому тогда был нужен литературный дар, острый критический ум, блестящая образованность *бывшего эмигранта*? А он мог стать литературоведом высокой квалификации.

Судя по всему, и семейная жизнь не стала для Щеголева ни тихой гаванью, ни отдушиной – и это несмотря на то, что был женат, рядом с ним жили мать, сестра и брат. В. Перелешин вспоминал о шанхайском периоде общения с четой Щеголевых: «Познакомил Щеголев меня и со своей женой – милой, кроткой, обаятельной Галей³, которая его просто обожала. Когда статья ему не давалась, и он нервничал, Галя уходила “гулять” по улицам Французской концессии – в любую погоду. “Прогулки” иной раз тянулись по несколько часов»⁴. Еще в 1934 году Щеголев напишет в стихотворении «Твердость»: «Нет, не надо покорной жены, / Тишины и богатства не надо!» Позднее, в письме Н. Ильиной Щеголев проговаривается: «Домашние условия не благоприятствовали написанию большого продуманного письма. Пришел к Виталию и пишу у него. Время огра-

¹ Синкевич В. «Остров» и его редактор // Новый журнал. 2009. №. 256. С. 333–335.

² Н. Щеголев – Н. Ильиной. 18.07.1950. Указ. ист.

³ Щеголева Галина Ивановна (1913–2005).

⁴ Перелешин В. Поэт Николай Щеголев. Указ. изд.

ничено, – поэтому сразу приступаю к теме, живо интересующей нас обоих...»¹ (поясним, что жили Щеголевы вдвоем, были бездетны).

Единственной страстью Щеголева последних лет становится «запойный» труд. Словно убегая от самого себя, он пытается найти забвение в новой работе: «Много ездил, устал, а буквально в Новый год пришлось делать новую лекцию, так что в новогоднюю ночь поднял с женой рюмку коньяку и буквально через десять минут сел за пишущую машинку – настолько работа была срочная...»²

Писал ли Щеголев в СССР стихи, да и писал ли что-то вообще, долгое время оставалось загадкой. Реальность была такова, что после репатриации стихи как-то не писались. После девяти лет заключения М. Шмейссер признавался: «Видимо, лагерь был для меня слишком сильной психической травмой, от которой трудно было войти в состояние прежнего творческого настроения. Да к тому же и годы ушли, как-то вся литературная работа отошла в прошлое»³. Алексей Ачаир высказался более лаконично: «В той звериной жизни было не до стихов»⁴.

О советском периоде жизни Щеголева Ю.В. Крузенштерн-Петерец отзывалась довольно нелицеприятно: «Так же как с музыкой, с верой, со многим, что ему было дорого, Щеголев расстался потом и с поэзией, когда уезжал в СССР. Свое призвание он обрел было в марксистской публицистике. Но эпитафию себе он написал много раньше, – этой эпитафией был его, появившийся в 1943 году в шанхайском журнале “Сегодня”, роман “Из записок одиночки”. Публицистом в СССР Щеголев не стал. Оттуда писали, что он взялся за преподавание английского языка, а тогда – кто бы мог об этом подумать!»⁵

Сам же Щеголев признавался: «начиная с 1937 года я стал постепенно видеть себя скорее журналистом-публицистом, нежели поэтом, и поэтому стал всё меньше уделять внимания стихам. По этой же причине я не собирал ранее опубликованных стихов и своего личного сборника так никогда и не выпустил»⁶. Действительно, несомненные способности к литературно-критической эссеистике проявились у Щеголева еще в юности.

¹ *Н.А. Щеголев – Н. Ильиной*. 18.07.1950. Указ. ист.

² *Н.А. Щеголев – А.В. Ревоненко*. 07.01.1969 // «Будто нет расстоянья и времени нет...» Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко. Хабаровск, 2006. С. 68.

³ *М.П. Шмейссер – А.В. Ревоненко* // «Будто нет расстоянья и времени нет...» Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко. Указ. изд. С. 78–79.

⁴ *Андерсен Л.* Самовар на Садовой // *Андерсен Л.* Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Т.Н. Калиберовой; предисл. Н.М. Крук; послесл. А.А. Хисамутдинова. М., 2006. С. 256.

⁵ *Крузенштерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания. Указ. изд. С. 68.

⁶ *Н.А. Щеголев – А.В. Ревоненко*. 26.10.1967 // «Будто нет расстоянья и времени нет...» Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко. Указ. изд. С. 67.

Возможно, переход от лирического творчества к критической работе был закономерным этапом творческой эволюции художника.

Николай Щеголев ушел из жизни 15 марта 1975 года, умер от инфаркта¹. Кончина скромного свердловского преподавателя осталась событием семейного масштаба да грустью редких друзей². И только в нью-йоркском издании появился пронзительный некролог Валерия Перелешина «Поэт Николай Щеголев»: «Больно ранило меня полученное сегодня письмо поэтессы Лидии Хаиндровой от 23 марта – о том, что в ночь на 15-е марта в бывшем Екатеринбурге на руках брата скончался Коля Щеголев – тот Николай Александрович Щеголев, которого я застал в харбинской Чураевке ХСМЛ в 1932 году (когда мне было девятнадцать лет, а ему чуть больше) и с которым я встречался каждую пятницу в Шанхае в годы войны». Но кто в те глухие времена мог соотнести подобные факты? Перелешин с болью писал: «Николай Щеголев, в тридцатых годах всем существом своим откликавшийся на “парижскую ноту”, умевший говорить о главном и чуждаться “красивости”, умер в молчании – в той страшной стране, которая не терпит своеобразия, а творческую свободу приравнивает к политической неблагонадежности»³.

В 2014 году увидело свет издание «Щеголев Н.А. Победное отчаянье: Собрание сочинений» (Сост. А.А. Забияко и В.А. Резвого. – М.: Водолей. – 352 с.). Книга собиралась много лет, в нее вошли все известные нам на момент сдачи рукописи в издательство стихотворения, рассказы и литературно-критические статьи Н.А. Щеголева. В.А. Резвый проделал огромную поисковую работу в частных коллекциях, в архивах и библиотеках. Активно подключились и сотрудники литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья» Амурского государственного университета». Нам казалось, что мы подошли к пределу наших изыскательских возможностей. И если бы не роль случая, играющая огромное значение в «археологии» харбинской культуры, все было бы именно так.

В сентябре 2013 г. на кафедру литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета поступил телефонный звонок. Мужской голос пригласил к телефону А.А. Забияко. Звонивший человек оказался из Екатеринбурга, он предупредил о том, что «разговор не телефонный». Но у него есть рукописи Н. Щеголева. Не веря в чудеса, но не сомневаясь в том, что этот шанс упустить нельзя, А.А. За-

¹ Щеголев похоронен на Восточном кладбище г. Екатеринбурга. Вместе с ним похоронена его жена Галина Ивановна, рядом – мать Анна Ивановна, сестра Валентина Александровна (Ким), брат Владимир Александрович.

² Хаиндрова Л. Письмо А. Ревоненко. 2.04.1975. // «Будто нет расстоянья и времени нет...». Указ. изд. С. 41.

³ Перелешин В. Поэт Николай Щеголев. Указ. изд.

бияко сообщила незнакомцу адрес электронной почты. Опуская ряд курьезных моментов этой переписки (в том числе, и подозрения в том, что адресант – изобретательный дилер какой-то сетевой чайной компании), укажем, что связь установилась благодаря социальной сети «Одноклассники». Приведем часть переписки А.А. Забияко и Виктора Ивановича Потриваева:

«Анна Анатольевна, здравствуйте! Нашёл Вас, как ни странно, в связи с темой харбинский русской поэзии. Мне в руки случайно попали рукописные крошки архива некоего свердловчанина, записи старенькие наброски планов лекций, одно письмо и, самое интересное, черновые наброски романа о жизни в Харбине 30-х годов. Что-то мне смутно подсказывает, что это записи небезызвестного Вам Николая Щёголева. Полагаю, Вам это интересно, а мне не хотелось бы выбросить эти материалы просто в мусор» (Первое письмо В.И. Потриваева А.А. Забияко. 2 октября 2013).

Следующее письмо В. Потриваева А.А. Забияко написано 16.10.2013: «Анна Анатольевна! <...> Суть моей скромной находки я вроде бы излагал в предыдущем сообщении, надо посмотреть в исходящей почте. Там должны были быть сканы нескольких документов. Если Вы подтвердите, что это автографы Щёголева, будем думать, каким образом мне их Вам переслать, а ещё лучше передать в руки. Очень не хотелось бы, чтобы они бесследно пропали! Виктор Потриваев».

Третье письмо В. Потриваева к А. Забияко написано 18.10.2013: «Здравствуйтесь, уважаемая Анна Анатольевна! <...> Бумаги, о которых речь, я подобрал в 2010 году буквально под ногами возле моего гаража. Кто-то вынес из соседнего дома в мусор домашние вещи, книги, документы. Моё внимание зацепилось за письмо <...>, написанное от руки на почтовой бумаге, пером и таким необычно-витиеватым почерком! И ещё впечатлил толстый потёртый фолиант с тщательно, без единой помарки перепечатанными на машинке стихами Блока. Разбирая бумаги, натолкнулся на фамилию Щёголев, потом на упоминание Харбина в рукописи начала прозы... Мелькнула догадка, что, возможно, рукописи принадлежат перу предмета Вашего научного интереса. По Интернету вышел потихоньку на Вашу статью о харбинских русских поэтах, а в поисках контакта с Вами набрёл на Вашу страничку в «Одноклассниках», но Вы туда редко заходите, тогда стал искать через университет. Ну, целый детектив, получается!

Судя по адресам на страховом полисе и открытке <...>, Щёголевы жили буквально по соседству с моим нынешним прибежищем в центре Екатеринбурга (Свердловска). Видимо, после смерти супруги <...> Галины Ивановны квартира сменила хозяев, ну, и, как обычно, всё ненужное от прежних жильцов пошло на выброс... Там были конспекты лекций или

статей по французской поэзии (Беранже), несколько рецензий (высылаю конец рецензии на повесть С. Щипачёва), наброски каких-то лекций или выступлений, разрозненные листки из блокнота со стихотворными набросками или переводами Р. Гамзатова <...>. Виктор Потриваев»¹.

Последнее письмо (март 2014 г.) содержало еще одну примечательную деталь: «Самое любопытное: на следующее утро после того дня, как я подобрал бумаги, подъехала мусорная машина и старательные таджики сгребли остатки мусора в контейнеры». Результатом эпистолярного общения А. Забияко и В.И. Потриваева стал дар кафедре литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета: часть архива Н. Щеголева хранится в архивном фонде литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья».

Стоит отдать должное Виктору Ивановичу Потриваеву – за редкую наблюдательность; за интерес к родной истории; за просвещенность, позволившую связать воедино историю Харбина и интерес современной науки к этой теме; за элементарную грамотность, обеспечившую поиск в интернет-пространстве специалистов по этой теме. И, наконец – за настойчивость в сочетании с деликатностью. Именно эти качества способствовали тому, что произошло настоящее открытие – воскрешение из небытия части семейного архива Н.А. Щеголева.

Часть архива Н.А. Щеголева, переданная В.И. Потриваевым, состоит из следующих материалов:

1. Щеголев Н.А. Письмо Г.И. Щеголевой, 1959. // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета. – 2 с.

2. Щеголев Н.А. Тетрадь №2. Рукопись текста лекции о Беранже // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета. – 10 с.

3. Щеголев Н.А. Статья о лирике С. П. Щипачева (машинопись) // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета. – 8 с.

4. Щеголев Н.А. Записи стихотворных строк на отдельных листах // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета. – 3 с.

¹ *Забияко А.А.* Переписка А.А. Забияко с В.А. Потриваевым // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья» Амурского государственного университета, 2013.

5. Щеголев Н.А. Тетрадь №1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957 – 1962) // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточной эмиграции» Амурского государственного университета. – 24 с.

Обретенная таким «чудесным» способом часть семейного архива Н.А. Щеголева позволяет уточнить многие нюансы личной и творческой жизни харбинского поэта.

Приведем только некоторые предварительные заметки по каждой единице хранения.

Письмо супруге Г.И. Щеголевой подтверждает высказанные выше суждения и об эмоциональных проблемах в семье, и о «запойной» работе. Находясь в первый раз на лечении в санатории, в чем действительно нуждался (болела нога, началась хромота), Щеголев мучается не от разлуки с супругой: «здорово тянет домой. Я отвык уже так долго бездельничать»¹. Письмо к жене в ответ на ее тревожную телеграмму написано сдержанно и отстраненно, начиная с обращения: «Здорово, Галя!» и заканчивая дежурной фразой: «Ну, до скорой встречи!» Щеголеву в ту пору всего 49.

Тексты лекции о Беранже и рецензии на книгу С. Щипачева под названием «Проза поэта» свидетельствуют о широком диапазоне литературоведческих штудий Щеголева, о неисчезнувшем интересе к стиховедению (ведь проза поэтов – особая область филологии, сегодня широко исследуемая).

Эту неизбывную страсть поверять все поэтическим «метрономом» обнаруживаем и на листочках, вырванных из блокнота:

К дальним звездам, в небесную россыпь

Улетают ракеты не раз.

Люди, люди –

высокие звезды,

Долететь бы мне только до вас...

Всегда во сне

нелепо всё и странно –

Приснилась мне сегодня

смерть моя...

Рядом – следы работы его версификационного «счетчика» (вспоминаются упреки Ачаира в стихотворении «Форма»). Возможно, записав

¹ Н. Щеголев – Г. Щеголевой. 3.09.1959 // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья», Амурский государственный университет.

услышанные строки Расула Гамзатова, Щеголев тут же уловил переключку со своим поэтическим кумиром: «В полдневный...» (и мы вспоминаем лермонтовский «Сон»). «Взыскующий поэт» Щеголев сразу почувствовал эхо мистического стихотворения Лермонтова в гамзатовском отрывке (5-стопный ямб с цезурой на второй стопе).

И, наконец, Тетрадь № 1. Она – свидетельство того, что Н.А. Щеголев писал роман из жизни харбинской эмиграции. Роман, о котором так долго мечтал, планы которого стал вынашивать еще в свою бытность в Харбине, а затем, в 50-е, сетовал на неисполненность замысла в письме Н. Ильиной.

На хорошо сохранившейся с высохшим следом кружки внизу обложке черновой тетради Н. Щеголева можно увидеть четкую надпись: «Планы романа №1. Характеристики. Жизненные детали»¹.

Тетрадь состоит из двадцати четырех страниц, это – простая школьная тетрадь по математике (1957 г. вып). Черновой автограф, написанный тремя разными орудиями письма – синими чернилами, зелеными чернилами и карандашом, сохранился в хорошем состоянии, поэтому текст представляет возможность провести перевод в транскрипцию для дальнейшего исследования.

Тетрадь №1 содержит начало романа «Перекресток» с первой по пятую главы, а также черновые наброски первой, второго и третьего параграфа одиннадцатой главы. Текст писатель вел необычным образом: на каждой странице поля отчерчены строго справа, независимо от стороны листа. Текст оформлен абзацами, иногда строки выходят за поля. В основном на полях можно заметить авторские правки и вставки. Черновые страницы романа содержат описания, действия основных и второстепенных героев, раскрыт основной сюжет, в тексте показан социокультурный облик Харбина и внелитературная жизнь членов «Молодой Чураевки». Текст оснащен вставками первого и второго слоя рукописной правки, расположенными на полях или вставленными посреди текста.

Первой фразой на первой странице, дописанной большими буквами зеленой ручкой, является надпись: «Перекресток (1962)», в скобках написана дата. Ниже видна надпись: «Начато 1 ноября 1957 г.». Согласно этим двум строчкам, автор назвал произведение «Перекресток» и намеревался закончить его в 1962 г, а начал писать его в 1957-м. Таким образом датировка рукописей уже известна – она дана самим автором. Имя своему роману Н. Щеголев дал намного позже, так как видно, что слово «Перекре-

¹ Щеголев Н.А. Тетрадь №1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957 – 1962) // Архивный фонд литературно-источниковедческой лаборатории «Центр изучения дальневосточного зарубежья» Амурского государственного университета. – С. 1 Далее в тексте в скобках с указанием страницы.

сток» вписано сверху более крупным почерком и выделено зелеными чернилами, а не карандашом. На первой странице дневника виден план будущего романа, разбитый на главы и подглавы, у которых есть свое название – тезисы (краткое содержание глав). Но в тексте черновиков автор не называет каждую главу, а пишет лишь избранные главы. Возможно, автор не ограничился одной тетрадью, т.к. содержание романа составляет далеко не полное описание романа, а лишь наброски и первые начатые главы. К сожалению, другие (возможно существовавшие) тетради с черновыми автографами нам не известны.

На первой странице в тексте указан жанр: «Жанр: политико-философский тенденциозный роман, лишь замаскированный под быто-описательный» (С. 1). С самого начала писатель сознательно обратился к определению жанровой специфики романа, здесь же собирался дать исчерпывающие характеристики персонажей и их жизненные детали.

К числу приемов работы над текстом романа, особенно характерных для Н. Щеголева, должны быть отнесены авторские пометы, расположенные либо справа на полях, либо вписанные в сам текст с самыми различными формулировками заданий самому себе.

Велика ценность рукописей Н.А. Щеголева как источника различных сведений о приемах работы писателя над художественным текстом. Многочисленные слои авторской правки приоткрывают исследователю дверь в творческую лабораторию писателя. Необходимо особо отметить, что все примеры творческой правки, представленные в автографах, свидетельствуют о высокой степени требовательности и взыскательности художника в его работе над текстом.

Один из важнейших аспектов научного изучения рукописей Н. Щеголева связан с их местом в творческой истории произведения. Информации об истории создания рукописи очень мало. Но, как следует из его письма Н. Ильиной, основные идеи произведения у Щеголева появились еще задолго до создания того варианта рукописи, который к нам попал. Очевидно, что Щеголев неоднократно брался за роман и бросал его. В письме к Наталье Ильиной, датированном 18 июля 1950 г., Н. Щеголев признается: «Здравствуй, Наташа! После недавней встречи с Виталием, решил тебе написать. Соскучился. Хотелось бы поговорить. Домашние условия не благоприятствовали написанию большого продуманного письма. Пришел к Виталию и пишу у него. Время ограничено, – поэтому сразу приступаю к теме, живо интересующей нас обоих, – к книге, заброшенной мной и продолжаемой тобой»¹.

Размышляя в письме о том, к какой аудитории будет адресована книга, Щеголев сомневается в том, что роман будет интересен советским лю-

¹ РГАЛИ. Ф. 3147 [Н. Ильина]. Оп. 1. Ед. хр. 154.

дям, потому что, «сталкиваясь с многообразными советскими людьми – чуткими, умными, работающими – я ни разу не чувствовал с их стороны никакого сколько-нибудь острого интереса к нашим заграничным “переживаниям”, “страданиям”, “проблемам”, а вот к Китаю и китайцам они испытывают подлинный интерес».

После размышлений о том, кто будет читать данное произведение, Щеголев задумывается, правилен ли был подход к книге и размышляет о том, является ли правильной ее центральной задача: ведь они, создатели книги, уже уделяли немаловажное внимание показу хорошего советского человека, растущего и развивающегося даже в тех условиях, в которых они жили. Одной из главных задач он ставит: «навозну кучу разрывая, найти жемчужное зерно». Согласно строкам из письма, Щеголев считал (или очень хотел продекларировать), что хорошие люди и в Манчжурии «возникали и росли», но это не было «явлением типичным»: «Во-первых, многие росли, но так и не доросли до рядового советского человека; во-вторых, столь же многие с не менее хорошими задатками, способностями, талантами гибли или превращались в прохвостов». Поэтому Щеголев – не против показа роста и возникновения хорошего советского человека и в тяжелых условиях в Харбине, но ему кажется, что это – «не центральная и даже не одна из центральных задач книги»¹.

Основную информацию о замысле романа можно почерпнуть из текста чернового автографа. Рукописный дневник Н. Щеголев вел особым способом. Поля отчерчены на каждой странице только справа. По всему тексту, как и принято в черновых автографах, отмечены автором не только заметки и дополнения к сюжету, описания, но и мысль, подтекст, идею, к которой должен прийти автор, составляя текст. На первой странице тетради на полях написано: «Через единичное все время приходит общее: через микрокосм – макрокосм» (С. 1). Почти на каждой странице в тексте вставки первого и второго слоя рукописной правки, развивающие авторский замысел: «Каждый человек как совокупность общественных отношений. Любовь как политика, политика как любовь» (С. 1); «Нервное, торопливое повествование, но упаси вас от “достоевщины”» (С. 1); «Над Китацами, в китайском мире, вне его» (С. 1); «Еще 1930. крах. ст<арая> конституция» (С. 1). В тексте писатель адресует себе разнообразные императивы метапоэтического свойства: «Планировать и перечитывать записи» (С. 1); «Ставь в очень высокую идейную позицию» (С.1); «Обдумывать и планировать недели две, не приступая к писанию. Якобы засели во мне люди, события заиграли, час-два-три в день» (С. 1). Щеголев пишет сам себе напоминания с конкретными датировками, черновик – конспект романа –

¹ РГАЛИ. Ф. 3147 [Н. Ильина]. Оп. 1. Ед. хр. 154.

приобретает черты дневника, ежедневника, куда записывают будущие задания и события (которые, в данном случае, только предстоит описать). Автор строго выверяет романное время и четко обдумывает позиции романа. По записям на полях можно судить и о состоянии творческого процесса на данный момент: «Пишется пока бедно. Вводить изо всей сил органы чувств в писание: зрение, слух, обоняние, вкус, и осязание. К этому надо привыкнуть, а дальше – дело вкуса» (С. 1).

Итак, вернувшаяся из небытия часть архива Н. Щеголева представляет драгоценный и весьма содержательно емкий материал для воссоздания послеэмигрантского периода творчества поэта, а также источник реконструкции жизни русской диаспоры в Харбине – начиная с начала строительства КВЖД и до середины 30-х гг. прошлого столетия.